

*Центральная библиотека г. Благодарного предлагает для чтения
произведения Д.А. Гранина:*

- ✓ Гранин Д.А. Зубр/Д.А. Гранин. – М.: Кн. Палата, 1988. – 272 с.
- ✓ Гранин Д.А. Иду на грозу; Клавдия Вилор/Д.А. Гранин. – М.: Сов. Россия, 1989. – 448 с.
- ✓ Гранин Д.А. Избранные произведения в двух томах/Д.А. Гранин. – Л.: Худ. лит-ра, 1969
- ✓ Гранин Д. Картина: Роман/Д. Гранин. – Л.: Сов. Писатель, 1987. – 368 с.
- ✓ Гранин Д.А. Однофамилец: Повести и рассказы/Послесловие В.Д. Оскоцкого/Д.А. Гранин. – М.: Сов. Россия, 1983. – 448 с.
- ✓ Гранин Д. Тайный знак Петербурга/Д. Гранин. – СПб.: Издательство «Logos», 2000. – 608 с.

Муниципальное учреждение культуры
«Благодарненская централизованная библиотечная система
Инновационно-методический отдел

Даниил Гранин

Памятка для широкого круга читателей.

Ответственный за выпуск: директор МУК «БЦБС»
Щеголькова Р.И.

Составитель: зав. ИМО: Бакумова Г.Г.

г. Благодарный
2018 г.

100-летний юбилей писателя-фронтовика Даниила Гранина, скончавшегося летом 2017-го года в возрасте 98 лет, торжественно отмечают в России в 2019 году.

Президент России Владимир Путин сказал на заседании Совета по культуре и искусству:

— Подписан указ о праздновании в 2019 году юбилея Даниила Александровича Гранина и увековечивании его памяти. «Считаю очень важным, чтобы это стало событием, объединяющим общество, чтобы наследие нашего великого соотечественника послужило будущему развитию российской культуры».

Предлагаем вниманию читателей и библиотекарей информационный материал о жизни и творчестве писателя, мыслителя, подвижника Даниила Александровича Гранина.

Даниил Гранин родился в 1919 году. Отец - Герман Александр Данилович, был лесником. Мать - Анна Бакировна. Родители жили вдвоем в разных лесничествах Новгородчины и Псковщины. Отец был старше мамы на двадцать лет. У нее был хороший голос, все детство прошло под ее пение.

Были снежные зимы, стрельба, пожары, разливы рек - первые воспоминания мешаются со слышанными от матери рассказами о тех годах. В родных местах еще догорала Гражданская война, свирепствовали банды, вспыхивали мятежи. Детство раздвоилось: сначала оно было лесное, позже - городское. Детство лесное - это баня со снежным сугробом, куда прыгали распаренный отец с мужиками, зимние лесные дороги, широкие самодельные лыжи. Лучше всего помнятся горы пахучих желтых опилок вблизи пилорам, бревна, проходы лесобиржи, смолокурни, и сани, и волки, уют керосиновой лампы, вагонетки на лежневых дорогах.

Матери - горожанке, молодой, веселой - не сиделось в деревне. Поэтому она восприняла как благо переезд в Ленинград. Для мальчика потекло детство городское - учеба в школе, наезды отца с корзинами брусники, с лепешками, с деревенским топленым маслом. А все лето - у него в лесу, в леспромхозе, зимою - в городе. Как старшего ребенка, его, первенца, каждый тянул к себе. Это не была размолвка, а было разное понимание счастья. Потом все разрешилось драмой - отца сослали в

Сибирь, куда-то под Бийск, семья осталась в Ленинграде. Мать работала портнихой. И дома прирабатывала тем же. Появлялись дамы - приходили выбирать фасон, примеривать. Мать любила и не любила эту работу - любила потому, что могла проявить свой вкус, свою художественную натуру, не любила оттого, что жили бедно, сама одеться она не могла, молодость ее уходила на чужие наряды.

Отец после ссылки стал "лишенцем", ему было запрещено жить в больших городах. Даниила Гранина, как сына "лишенца", не принимали в комсомол. Учился он в школе на Моховой. У учительницы литературы не было ничего, кроме любви к литературе. Она организовала литературный кружок, и все стали сочинять стихи.

Несмотря на интерес к литературе и истории, на семейном совете Граниных было признано, что инженерная специальность более надежная. Даниил поступил на электротехнический факультет Политехнического института, который окончил в 1940. Энергетика, автоматика, строительство гидростанций были тогда профессиями, исполненными романтики, как позже атомная и ядерная физика. Студенты ездили на практику на Кавказ, на Днепрогэс, дежурили на пультах, работали на монтаже, ремонте. В разгар дипломной работы, Гранин стал писать историческую повесть о Ярославле Домбровском. Писал не о том, что знал, чем занимался, а о том, чего не знал и не видел. Тут было и польское восстание 1863, и Парижская коммуна. Вместо технических книг он выписывал в Публичной библиотеке альбомы с видами Парижа. Об этом увлечении никто не знал. Писательства Гранин стыдился, а написанное казалось безобразным, жалким. Но остановиться он не мог. После окончания учебы Даниила Гранина направили на Кировский завод, где он начал конструировать прибор для отыскания мест повреждения в кабелях.

С Кировского завода ушел в народное ополчение. Однако пустили не сразу. Пришлось добиваться, хлопотать, чтобы сняли бронь. Война шла, не отпуская Гранина ни на день. В 1942 на фронте он вступил в партию. Воевал на Ленинградском фронте, потом на Прибалтийском, был пехотинцем, танкистом, а кончал войну командиром роты тяжелых танков в Восточной Пруссии. В дни войны

Гранин встретил любовь. Как только успели зарегистрироваться, так объявили тревогу, и муж с женой просидели несколько часов в бомбоубежище. Так началась семейная жизнь. Этим и прервалась до конца войны. Всю блокадную зиму просидел в окопах под Пушкино. Потом послали в танковое училище и оттуда уже офицером-танкистом на фронт. Была контузия, было окружение, танковая атака, было отступление - все печали войны, все ее радости и ее грязь...

Доставшуюся послевоенную жизнь Даниил Гранин считал подарком. Ему повезло: первыми его товарищами в Союзе писателей стали поэты-фронтовики Анатолий Чивилихин, Сергей Орлов, Михаил Дудин. Они приняли молодого писателя в свое громкое, веселое содружество. А кроме того, был Дмитрий Остров, интересный прозаик, с которым Гранин познакомился на фронте в августе 1941, когда по дороге из штаба полка они вместе ночевали на сеновале, а проснувшись, обнаружили, что кругом немцы...

Острову Гранин и принес в 1948 свою первую законченную повесть о Ярославе Домбровском. Дмитрий Остров, похоже, повесть так и не прочитал, но тем не менее убедительно доказал другу, что если уж хочется писать, то писать надо про инженерную свою работу, про то, что знаешь, чем живешь. Ныне Гранин советует это молодым, видимо, позабыв, какими унылыми ему самому тогда показались подобные нравоучения.

Первые послевоенные годы были прекрасными. Гранин не думал стать профессиональным писателем, литература была для него всего лишь удовольствием, отдыхом, радостью. Кроме нее была работа - в кабельной сети Ленэнерго, где надо было восстанавливать разрушенное в блокаду энергохозяйство города: ремонтировать кабели, прокладывать новые, приводить в порядок подстанции, трансформаторное хозяйство. То и дело происходили аварии, не хватало мощностей. Поднимали с постели, ночью - авария! Надо было откуда-то перекидывать свет, добывать энергию погасшим больницам, водопроводу, школам. В эти годы (1945-1948) кабельщики, энергетики, чувствовали себя самыми

нужными людьми в городе. По мере того как энергохозяйство восстанавливалось, налаживалось, у Гранина таял интерес к этой работе. В это время в кабельной сети начались опыты по "замкнутым сетям" - проверялись расчеты новых типов электросетей. Даниил Гранин принял участие в эксперименте.

В конце 1948 Гранин вдруг написал рассказ, про аспирантов. Назывался он "Вариант второй". Даниил Александрович принес его в журнал "Звезда", там его встретил Юрий Павлович Герман, который ведал прозой. Его приветливость, простота и пленительная легкость отношения к литературе помогли молодому писателю. Легкость Германа была свойством особым, редким, литература понималась им как дело веселое, счастливое при самом чистом, даже святом, отношении к нему. Потом уже Гранин ни у кого не встречал такого празднично-озорного отношения, такого наслаждения, удовольствия от литературной работы. Рассказ был напечатан в 1949 почти без поправок. Был замечен критикой, расхвален, и автор решил, что отныне так и пойдет, что он будет писать, его сразу будут печатать, хвалить, славить.

К счастью, следующая же повесть - "Спор через океан", в той же "Звезде", была жестоко раскритикована. Не за художественное несовершенство, что было бы справедливо, а за "преклонение перед Западом", которого в ней как раз и не было. Несправедливость эта удивила, возмутила Гранина, но не обескуражила. Необходимо заметить, что инженерная работа создавала прекрасное чувство независимости. Кроме того, его поддерживала честная взыскательность старших писателей - Веры Казимировны Кетлинской, Михаила Леонидовича Слонимского, Леонида Николаевича Рахманова. В Ленинграде в те годы еще сохранилась замечательная литературная среда - были живы Евгений Львович Шварц, Борис Михайлович Эйхенбаум, Ольга Федоровна Берггольц, Анна Андреевна Ахматова, Вера Федоровна Панова, Сергей Львович Цимбал, Александр Ильич Гитович,- то разнообразие талантов и личностей, которое так необходимо.

Вскоре Даниил Гранин поступил в аспирантуру Политехнического института и одновременно приступил к роману "Искатели". К тому времени уже вышла многострадальная книга "Ярослав Домбровский". Параллельно Гранин занимался и электротехникой. Он напечатал несколько статей, перешел к проблемам электрической дуги. Однако эти таинственные, интересные занятия требовали времени и полной

погруженности. По молодости, когда сил много, а времени еще больше, казалось, что можно совместить науку и литературу. И хотелось их совместить. Каждая из них тянула к себе все с большей силой и ревностью. Каждая была прекрасна. Пришел день, когда Гранин

обнаружил в душе опасную трещину. Пришло время выбирать. Либо - либо. Вышел роман "Искатели", он имел успех. Появились деньги, можно было перестать держаться за свою аспирантскую стипендию. Но Гранин долго еще тянул, чего-то ждал, читал лекции, работая на полставки, никак не хотел отрываться от науки. Боялся, не верил в себя... В конце концов это произошло. Не уход в литературу, а уход из института. Впоследствии писатель иногда жалел, что сделал это слишком поздно, поздно стал писать всерьез, профессионально, но, бывало, жалел, что бросил науку. Лишь теперь Гранин начинает постигать смысл слов Александра Бенуа: *"Величайшая роскошь, которую только может себе позволить человек, - всегда поступать так, как ему хочется"*.

Гранин писал об инженерах, научных работниках, ученых, о научном творчестве - все это было его темой, его окружением, его друзьями. Ему не надо было изучать материал, ездить в творческие командировки. Он любил этих людей - своих героев, хотя жизнь их была небогата событиями. Изобразить ее внутреннее напряжение было нелегко. Еще труднее было ввести читателя в курс их работы, чтобы читатель понял суть их страстей, и чтобы не прикладывать к роману схемы и формулы.

Известность пришла к Гранину в 1955 году после публикации романа «Искатели». История о советском ученом Андрее Лобанове понравилась всем — и коллегам, и читателям, и властям. Изобретатель не только пытается создать уникальный для того времени прибор – локатор для поиска мест разрыва телефонных сетей, но и ведет борьбу с бумажной волокитой и бюрократической системой во имя научных изысканий. После этой работы Гранина не только избрали делегатом на Второй съезд писателей, но и впервые в жизни экранизировали его роман. Полнометражный цветной фильм 1956 года был поставлен на «Ленфильме» Михаилом Шапиро. Публика была в восторге!

В 60-е годы Гранину казалось, что успехи науки, и прежде всего физики, преобразят мир, судьбы человечества. Ученые-физики казались

ему главными героями того времени. Его роман «Иду на грозу» стал открытием для советского читателя. Его называли прорывом, его считали лучшим романом года (если не десятилетия). В центре сюжета романа

1962 года снова оказались ученые, молодые физики Сергей и Олег. Еще студентами они начали изучать грозу и решили, что могут обуздать стихию. Их цель проста — они хотят научиться управлять вспышками молний и раскатами грома. Но в какой-то момент между друзьями возникает противоречие. Один считает, что в основе всего лежит поиск истины, в то время как другой готов пойти на все ради успеха. Экзистенциальный и психологический, по-своему революционный роман не прошел мимо читателей и стал настольной книгой своего и последующего

поколений. «Иду на грозу» был дважды экранизирован — в 1965 на «Ленфильме» был снят одноименный фильм Сергея Микаэляна, а в 1987 на «Мосфильме» был подготовлен ремейк «Поражение» Булата Мансурова.

К 70-м тот период кончился, и в знак прощания писатель создал повесть "Однофамилец", где как-то попробовал осмыслить свое новое отношение к прежним увлечениям. Это не разочарование. Это избавление от излишних надежд.

В «Новом мире» в 1977 году вышла подборка документальной прозы, которая позже была опубликована в виде «Блокадной книги». Она стала одной из самых обсуждаемых не только среди ленинградцев, но и по всей стране. Хроника блокады Ленинграда, пугающие документальные сюжеты прошлого стали открытием — многие читатели вступали в полемику с писателем, спорили с ним и обвиняли в

фальсификации. В Ленинграде в те времена первым секретарем Ленинградского обкома КПСС был жесткий управленец Григорий Романов, он наложил запрет на печать блокадных историй Гранина и Адамовича. Книга появилась на свет лишь в 1984 году, после смены городского руководства и переезда Григория Романова в столицу.

Переживал Гранин и увлечение - путешествиями. Вместе с К. Г. Паустовским, Л. Н.

Рахмановым, Расулом Гамзатовым, Сергеем Орловым они поехали в 1956у в круиз вокруг Европы на теплоходе "Россия". Для каждого из них это был первый выезд за границу. Да не в одну страну, а сразу в шесть - это было открытие Европы. С тех пор Гранин стал много ездить, ездил далеко, через океаны - в Австралию, Кубу, Японию, США. Для него это была жажда увидеть, понять, сравнить. Ему довелось спускаться на барже по Миссисипи, бродить по австралийскому бушу, жить у сельского врача в Луизиане, сидеть в английских кабаках, жить на острове Кюрасао, посетить множество музеев, галерей, храмов, бывать в разных семьях - испанских, шведских, итальянских. Кое о чем писателю удалось написать в своих путевых записках. Постепенно жизнь сосредоточивалась на литературной работе. Романы, повести, сценарии, рецензии, очерки. Писатель пытался освоить разные жанры, вплоть до фантастики.

Даниил Александрович Гранин создал первое Общество милосердия и способствовал развитию этого движения в стране. Его неоднократно избирали в правление Союза писателей Ленинграда, потом России, он был депутатом Ленсовета, членом обкома, во времена Горбачева - народным депутатом. Писатель воочию убедился, что политическая деятельность не для него. Осталось лишь разочарование.

До последних дней Даниил Гранин писал — за годы жизни он создал десятки крупных и малых произведений, среди которых «Обратный билет», «Река времен», «Зубр», «Наш комбат», «Неизвестный человек», «Вечера с Петром Великим», «Мой лейтенант» и многие другие. В библиографии Гранина встречаются шпионские и документальные романы, биографии советских и европейских ученых, повести и эссе, очерки о путешествиях и научные статьи.

<https://www.syl.ru/article/311707/daniil-granin-pisatel-biografiya-tvorchestvo>

Весной 2017 года в Москве была издана последняя книга Даниила Гранина «Она и все остальное». Свежая работа лишь косвенно касалась военной темы — новый роман был написан в первую очередь о любви. Об отношениях питерского инженера и немки, изучающей наследие архитектора Шпреера, видного деятеля Третьего рейха. Критики даже успели сравнить его с бунинской прозой, настолько нетипичной для Гранина стала «Она и все остальное».

Даниил Гранин скончался 4 июля в Санкт-Петербурге. Писатель и общественный деятель, киносценарист и ветеран войны, он не дожил до 100-летнего юбилея всего полтора года. В 2017 году он был награжден президентом России Владимиром Путиным государственной премией «За выдающиеся достижения в области гуманитарной деятельности». Кроме того, он становился лауреатом государственных премий СССР и дважды РФ, а также Президента РФ. С 2005 года он носил звание Почетного гражданина Санкт-Петербурга.

Даниил Гранин «Потерянное милосердие»

В память о Данииле Гранине – его статья о милосердии.

Случилось это в январе 1987 года. Было часов семь вечера, я шел по проспекту, усталый после своего рабочего дня. Это был длинный день напряженной писательской работы и других обязанностей, которых у меня в ту пору было достаточно много. Шел я из дома, направляясь к жене, которая лежала в больнице. Задумался о чем-то. Мимо проходило свободное такси, я очнулся, рванул, подняв руку, чтобы его остановить, за что-то зацепился ногой и полетел наземь. Со всего размаха ударился лицом об угол поребрика. Ощутил страшную боль в плече, еле поднялся, из носа хлестала кровь, нос был разбит, челюсть тоже, рука повисла.

Я не мог ею пошевелить, понял, что у меня вывихнуто плечо. Лево́й рукой старался унять кровь, подошел к стене дома, прислонился, чтобы как-то прийти в себя. Мысли от боли путались, носовой платок был весь в крови, я пытался ее унять и не мог. Зажимая нос, повернул назад, решил добрат́ся до дому.

Вид у меня, наверно, был ужасный, навстречу мне двигался вечерний поток людей, одни шли с работы, другие прогуливались. При виде меня усмехались, пожимали плечами. На лицах встречных появлялось любопытство или отвращение. Наверняка думали, что я пьяный или с кем-то подрался. Шли женщина с девочкой. Девочка что-то сказала матери, но мать ей что-то объяснила, заслонила. Шла парочка, они весело удивились, заговорили, обсуждая мой вид. Лица всех встречных, как оказалось, надолго запечатлелись в памяти, я их всех могу воспроизвести даже сей́час. Обыкновенные прохожие, наверняка симпатичные, милые в обыденной жизни, я запомнил их потому, что в эту страшную для меня минуту на каждом из них было выражение полного отчуждения, нежелания подойти, брезгливость, холодность, в лучшем случае — любопытство, но не более того. Ни у кого не появилось сочувствия. Ни у кого — беспокойства, никто не сделал шага навстречу, никто не спросил...

Я понимал, что, если упаду, никто не подымет, не поможет. Я был в пустыне, в центре города, переполненном людьми, среди своих питерцев, земляков, с которыми прожил всю жизнь. Город, где меня хорошо знали.

И так, шатаюсь, держась за стены домов, иногда останавливаясь, чтобы перевести дух, потому как чувствовал, что сознание мутится, я прошел до своего дома, с трудом поднялся, открыл дверь, но дома никого не было. Я позвонил к соседям и лег на пол, уже плохо понимая, что творится... Приехала «скорая помощь», соседи помогли вынести меня, положили в машину «скорой помощи»... Обыкновенная городская больница, бедная, в запущенном состоянии, переполненная. Обычно в таких больницах работают милые, хорошие врачи. Они мне вправили вывих, наложили гипсовую повязку, сделали уколы, перевязали, поправили нос и положили в палату. На следующий день я немного пришел в себя и стал думать: что же произошло?..

В конце концов, ничего особенного, обыкновенный бытовой случай: человек упал, разбился, добрался до дома, вызвали медицинскую

помощь, отправили его в больницу. Но я никак не мог прийти в себя. Психологическая травма была сильнее травмы физической. Я не мог осмыслить, почему так болит душа. Если бы хотя бы один из тех, что шли мне навстречу — а их было несколько десятков прохожих, — остановился, помог — все стало бы нормальным, но ни один... Если бы я подошел к любому из них и сказал, что я писатель Гранин, помогите мне, они, несомненно, взяли бы меня под руку, отвели до дома, оказали бы помощь.

Но я был обыкновенным прохожим, с которым что-то случилось, пусть он идет весь в крови, шатаюсь, еле держась на ногах, он для всех безразличен. А если это пьяный? Зачем вмешиваться. Я раздумывал: что же произошло с нашими людьми? Я же знаю их, раньше в этом городе они не были такими. Я помню войну, время, когда взаимопомощь между людьми была почти нерушимым законом, как мы помогали на фронте, когда другому было плохо, тащили раненых; то время, когда нужно было делиться хлебом и патронами, заменять друг друга в окопах. Я вспомнил блокаду Ленинграда, о которой я собирал материалы для «Блокадной книги», как блокадники рассказывали удивительные случаи взаимопомощи.

В 1942 году зимой шла по улице женщина, упала, а это значит, что она уже не сможет подняться, замерзнет. Прохожий, такой же доходяга, такой же дистрофик, как и она, подымает ее и, подставив плечо, ведет ее к ее дому, поднимается с ней по лестнице, растапливает печурку, поит кипятком, спасает ей жизнь. Я записал много таких рассказов спасенных людей. Обессиленный от голода человек где-нибудь садится, и неизвестный делится с ним куском хлеба. Рассказы о соседях, которые помогали друг другу, притаскивали дрова, приносили воду. Большинство ленинградцев в тех неслыханных условиях, умирая от голода, не позволяло себе расчеловечиться.

Этих рассказов великое множество, они составили большую книгу. Таков был закон блокадной жизни: ты должен помочь другому человеку, потому что завтра это может случиться и с тобой. Это не было результатом пропаганды или агитации, об этом никто не говорил, это было естественное чувство людей, терпящих бедствия. Я с моим соавтором Алесем Адамовичем задавали блокадникам один и тот же вопрос: почему вы выжили? Как вы могли на том смертельном пайке 125–150 грамм хлеба, сделанного наполовину из эрзацев, наполнителей,

вроде целлюлозы, когда ничего больше не давали, и были морозы, непрерывные воздушные тревоги, обстрелы, бомбежка, как вы могли в этих убийственных условиях уцелеть?

Если уж совсем грубо — почему вы не умерли? У каждого был свой ответ, свой рассказ, их набралось свыше двух сотен, самых разных, всегда удивительных, несхожих ответов. Некоторые впервые как бы задумывались — действительно, почему? Эти уже пожилые мужчины и женщины пытливо, с недоумением вглядывались в свое прошлое, в ту лютую зиму 1941–1942 года, в те два с лишним года ленинградской блокады, в течение которых погиб миллион ленинградцев. Разные истории имели нечто общее, оно вырисовывалось все яснее и вдруг появилось перед нами важным открытием: чаще всего спасались те, кто спасал других.

То есть те, кто часами стоял в очередях за кусочком хлеба для своих близких, для детей. Те, кто шел разбирать деревянные постройки на дрова. Те, кто ходил, вернее полз, за водой на реку, к проруби, а то за снегом, который растапливал на плите. Казалось бы, они должны были беречь силы, не расходовать калории, лежать, экономить каждый шаг. Между тем, нарушая все законы физиологии и энергетики, выигрывали те, кто не щадил себя. Жена, которая отдавала часть своего пайка мужу, мать, которая, не имея чем кормить младенца, надрезала себе вену и давала ребенку пососать свою кровь.

Конечно, умирали и спасатели. Но, во всяком случае, они оставались людьми, а чувство любви, сострадания продлевало им жизнь. Медики, к которым мы обращались, не могли нам разъяснить этого феномена. Выживали те, кто спасал других, — удивительное это нравственное правило подтверждалось все новыми свидетельствами. Люди не знали об этом, они действовали, подчиняясь призывам любви и сострадания. Экстремальные условия блокады, когда ослаб, отдалился тоталитарный гнет, помогли освободить естественное чувство милосердия.

Что же случилось с нами за эти годы мирной сытой жизни? Почему теперь, когда тепло, когда мы живем несравненно лучше, думал я, когда мы одеты и нет войны, нет блокады, почему мы проходим мимо?

И спрашивал себя: а подошел бы я? Или я думаю об этом сейчас только потому, что я наткнулся на это холодное безразличие людей к своей беде?

Однажды ночью, когда мне не спалось в этой больнице, плечо еще очень болело, я пошел гулять по коридору. Больница была переполнена, особенно женское отделение, не хватало мест, в коридоре стояли кровати. Больные спали, но с одной из кроватей раздавался тихий стон. Я подошел поближе, увидел старую седую женщину с распущенными волосами. Я спросил, не позвать ли сестру. Она ответила: «Не надо. Лучше посидите рядом со мной». Я сел. Она медленно, с трудом стала рассказывать о себе. Ей было 75 лет, дочь ее жила на Дальнем Востоке, муж погиб в войну, сама она работала на швейной фабрике и пела в хоре. И однажды сидела в тюрьме за то, что избивала директора фабрики... Вдруг она мне сказала: «Вы знаете, я, наверно, не доживу до утра. Я скоро умру. Не отходите от меня».

Я говорю, что сейчас позову врача, она отвечает: «Нет-нет, это не нужно, это не поможет, они ничего не могут сделать. Только не уходите». Она взяла меня за руку, закрыла глаза, как будто успокоившись, потом раздался прерывистый вздох, она открыла глаза, почти улыбнулась мне, глаза остановились, и я почувствовал — я даже не могу объяснить почему, этот момент я всегда чувствовал и на войне, и в госпитале — душа отлетает. Я держал ее руку, которая постепенно твердела, остывала. Я позвал дежурного врача. Да, она действительно умерла.

Я подумал тогда, как страшно и тяжело человеку, этой женщине, было умирать в одиночестве, в больничной постели, ночью, когда некому сказать последнего слова и некому выслушать. Нужно ведь так немного, всего-то — чтобы кто-то держал тебя за руку, чтобы кто-то был рядом. Она ничего не завещала, не просила, не было прощальных слов, это был обыкновенный разговор, но все же ее как бы провожали. Люди часто чувствуют близость смерти. Я помню это по войне, по блокаде. Да и в мирной жизни.

У нас совершенно ликвидирован институт причастия, когда приходит священник, когда человека готовят к смерти, когда он прощается с ближними.

Люди умирают в полной заброшенности, некому сказать последнее слово, попрощаться с тем миром, в котором ты жил. Это жестоко.

И тут ко мне вернулось, пришло начисто забытое слово «милосердие». Старинное русское понятие, значение которого трудно даже выразить, столько в него входит. Это милосердие, то есть

то сочувствие, сердечность, сокровенная расположенность одного человека к другому в минуты несчастья, бедствия, горя, одиночества, болезни, когда человеку более всего нужно соучастие, сочувствие, когда для человека невыносимо ощущение одиночества, своей ненужности.

Слово «милосердие» когда-то было в России чрезвычайно распространено. Существовали сестры милосердия, которые работали в больницах, то есть те больничные сестры, которые сейчас называются просто медицинскими, раньше назывались сестрами милосердия. Существовали Общества милосердия. Я не знал истории, связанной с милосердием в России. Я знал только, что слово это исчезло из лексикона. Потому что исчезло само понятие милосердия. А почему оно исчезло? Как это произошло? И что появилось взамен?.. Но как же мы живем без понятия милосердия?..

Мысли эти не давали мне покоя. И однажды, отбросив свою работу над романом, я сел писать статью о Милосердии. Просто так, для себя, чтобы разобраться в этой проблеме. Я писал о том, что слово это, так же как и понятие, входящее в него, было не просто забыто, а насильственно изъято из обращения. Его искореняли. Я вспомнил, что в Ленинграде раньше была улица Милосердия, которую потом переименовали, она стала называться улицей Текстильщиков. Я попробовал проследить, как на протяжении долгой нашей социалистической жизни изымались и терминология, и содержание этого чувства.

В 1937 году, в разгул репрессий, многие люди хотели хоть как-то помочь своим близким и знакомым, которых арестовывали и ссылали, помочь их семьям — женам и детям. Часто одновременно арестовывали и мужа, и жену, а их маленькие дети оставались совсем одни. Их пытались взять к себе близкие и знакомые, но это не разрешалось, и детей отправляли в приюты. Не разрешали передавать посылки и передачи в лагерь, писать письма арестованным. Всякая форма помощи от посторонних рассматривалась как пособничество врагам народа. Происходили митинги, на которых приветствовали смертную казнь «врагов народа». Аплодировали, голосовали за смертную казнь, одни вынужденно, другие охотно. Врагов народа становилось все больше. Арестовывали в каждом учреждении, на всех предприятиях. Счет пошел на сотни тысяч, затем на миллионы. Репрессиям подвергали и тех, кто пробовал защищать невинно осужденных. Людей заставляли давать показания на соседей, на сослуживцев, возводить на них клевету,

свидетельствовать об их антисоветских настроениях. Если кто-то из жалости, из чувства справедливости отказывался лгать, его самого могла постигнуть кара.

Страх, всеобщий страх, питаемый массовыми расстрелами, овладевал людьми, воцарялся и в деревне, и в городе. Страх заглушал чувство жалости.

Страх овладевал психикой человека и далее контролировал все его поступки, слова, его отношение к людям. Милосердие превращали в устаревшее понятие, свойственное буржуазному обществу. Фальшивое чувство, которым богачи, буржуа морочат мозги пролетариату. Как всякое внеклассовое понятие, оно служит правящей верхушке, чтобы сгладить антагонистические противоречия... И далее в таком роде.

Советский же человек не имеет причин быть несчастным. Горе, уныние не свойственны советскому человеку. Мы строим светлое будущее, самое передовое общество и т.п. А мне не давали покоя слова Пушкина в стихотворении «Памятник».

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

Как первую обязанность поэта, Пушкин завещал пробуждать добрые чувства и милость к падшим. Вот что особенно поражало меня. Не честность, правдивость, любовь к родине и прочие добродетели вдохновляли его, нет, поэт должен прежде всего служить добру, свободе и милосердию. И надо сказать, что этот завет русская литература XIX века выполняла. Сострадание к «униженным и оскорбленным», пользуясь выражением Достоевского, проходило через все творчество и Гоголя, и Тургенева, и Толстого, и Достоевского, и Чехова, и Горького. И за ними, гигантами, следовали Лесков, Бунин, Короленко, Леонид Андреев, Куприн и другие.

Повесть Толстого «Поликушка» об убогом, несчастном, Гоголя «Шинель», «Слепой музыкант» Короленко, пьеса Горького «На дне», пьесы Чехова — сколько бы ни называть, будет неполно. Гуманизм русской литературы стал ее отличительной чертой, ее силой, обеспечил ей особое положение в читающем народе. Русская литература много сделала, чтобы воспитать в душах сочувствие к обиженным судьбой, к бедным, одиноким, к тем, кого считают неполноценными, кого относят

к отбросам общества. Бродяги, проститутки, блаженные, нищие, преступники — для русской литературы не существовало отверженных.

Священный этот огонь соответствовал обычаям народа, народному характеру. Помню, в детстве, у нас в Новгородской области, в избах, можно было видеть деревянный лоток, идущий через стену наружу вниз. Когда кто-то, невидимый изнутри, постучит в такой лоток, хозяева опускали им по лотку картошку, кусок хлеба, пирога, не видя кто это. Существовала даже присказка, которой нам, детям, поясняли: «Чтобы нищий не стыдился, а хозяин не гордился». Анонимная помощь свидетельствовала о культуре народного милосердия.

Стучали нищие, странники, погорельцы. Деревня подкармливала своего дурачка, не давала ему голодать, мерзнуть. Милосердие имело свои правила во всех, самых глухих уголках России.

Я вспомнил своего отца. Когда я был совсем маленький и мы шли по улице, отец давал мне при виде нищего пятак или три медных копейки, и я должен был подойти опустить их в шапку или подать в протянутую руку. Он приучал меня к тому, что нельзя проходить безучастно мимо нищего, просящего человека. И так было во всех семьях. После революции это чувство стало неприемлемо для того идеологического воспитания или, вернее, той идеологической обработки, которой подвергали народ. Его воспитывали в ненависти. «Смерть капиталу!», «Долой буржуазию!», «Искореним кулачество как класс!», «Если враг не сдается, его уничтожают!». Во всех лозунгах и призывах, со всех плакатов вопило: «Никакой пощады!», «Долой!», «Смерть!».

Шло воспитание классово-ненависти к эксплуататорам. И именно ненависти, хотя, казалось бы, можно было воспитывать сочувствие к эксплуатируемым. Существовала социальная система противостояния социализма капитализму. В рамках этой системы, казалось бы, могли рождаться любовь и сочувствие к угнетенным массам. Но воспитывалась, главным образом и прежде всего, ненависть, это было нужнее, это отвечало задачам тоталитарного строя. Естественно, что ненависть исключает милосердие, исключает сочувствие.

При ликвидации кулачества, когда ссылали сотни тысяч наиболее трудолюбивых, добросовестных крестьян и крестьянских семей, запрещали всякую им помощь. Дети отказывались от родителей — это поощрялось; нельзя было оказывать послабление семьям осужденных и высланных, за это наказывали. Исключали из партии, комсомола,

не позволяли поступать в институты, занимать ответственные должности. В геноциде милосердия заставили принять участие искусство. Художественная литература, можно считать, изменила заветам Пушкина. Среди ее героев исчезали несчастные люди, исчезали болезни, отчаянье, бедность, герои, вызывающие жалость, неприспособленные к жизни.

Таково было требование идеологии, и оно становилось с годами все неукоснительней. Цензура тщательно изымала со сцены, с экранов, из поэзии все, что не соответствовало восхвалению социалистического образа жизни самого счастливого, бодрого, уверенного в своей правоте и своем будущем народа. Никаких сирых, убогих, слепых, слабоумных, ничего скорбного. Среди передовых художников в те годы ходило мнение о том, что с тоталитаризмом надо бороться его же методами, бесполезно взывать к милосердию. Борьба — вот вокруг чего бушевали моральные проблемы и во времена Брежнева. Борьба с культом личности за правопорядок, с последствиями сталинизма. Борьба правовая, борьба идейная, борьба, борьба... В этой борьбе гибли инакомыслящие, диссиденты, ожесточались и правые, и левые. О каком милосердии могла идти речь, если в ссылку отправляли целые народы, невзирая ни на какие заслуги; женщины, дети, старики — всех сгоняли в эшелоны и гнали в степь, в Сибирь, в Среднюю Азию. Во время войны были высланы крымские татары, чеченцы, поволжские немцы, ингуши, калмыки, балкарцы. Их безжалостно изымали из их исторической родины, и это было освящено высокими целями защиты родины и социалистического строя.

Человеку не разрешалось проявлять милосердие и сердечность. Это касалось буквально всех сторон быта, проникало внутрь семьи и семейных отношений.

Это коснулось и церкви. Церковь лишили права на милосердие — основной ее функции. Выйдя из больницы, я стал по-иному видеть окружающих людей и нашу повседневность. Я увидел, в каком ужасном состоянии находятся не только городские больницы, но и дома для престарелых. Как там грязно, как плохо кормят и плохо обращаются со стариками. Как трудно жить инвалидам... Обо всем этом я написал в своей статье. Отдал ее в «Литературную газету», и, несколько сократив, газета ее напечатала. Статья называлась «Милосердие». Я никак не ожидал, что она вызовет такой взрыв читательского интереса, столько

откликов. Буквально в течение двух-трех недель редакция получила сотни, может, и тысячи писем (я их не подсчитывал). Большинство из них были одобряющими, сочувствующими мне, от людей, которые были рады и приветствовали возвращение в нашу жизнь понятия «милосердие». Я, что называется, попал в самое яблочко, в большое место.

Проблема, очевидно, назрела. Милосердие восприняли как одну из примет перестройки, как возвращение к нормальной жизни. Мое внимание привлекли и оппоненты. Что у них было? Прежде всего утверждение, что советский человек в милосердии не нуждается, милосердие — буржуазное чувство или чувство религиозное, в любом случае — чувство, чуждое нашей действительности. Оно унижает человека. Милосердие свойственно капиталистическому обществу, где есть бедные и забытые люди, находящиеся вне общества и вне его социального внимания. Меня называли антиленинцем, буржуазным гуманистом, идеологическим диверсантом, пацифистом. Авторы заявляли, что чувство милосердия — вредный пережиток.

К кому милосердие? К врагам отечества? К идейным врагам? А советский человек нуждается не в милосердии, а в заботе о нем. «Автор пишет о нищих. Но где он видел нищих? Социалистическое общество избавило советских людей от нищеты, у нас не может быть нищих, для всех есть работа. А если у нас и есть одинокие, несчастные люди, для них существуют соответствующие учреждения, в которых люди обеспечены. Милосердие унижает советского человека». Такова была самая мягкая критика в мой адрес. Были, конечно, и более злые и грубые обвинения в пособничестве врагам, в том, что начинается наступление, диверсия буржуазной идеологии. В одном коллективном письме меня назвали «агентом влияния»

Я не хочу здесь цитировать ни писем, ни выдержек из моей статьи. В конце концов, это всего лишь газетная статья, она прикреплена к своему времени, и вряд ли можно цитатами из нее представить впечатление, которое она вызвала в тот, 1987, год. Начались дискуссии. Республиканские и областные газеты перепечатавали статью. Обсуждали на предприятиях. Дело на этом не кончилось. Судьба газетного выступления получила продолжение, и оно определило для меня

многое на несколько лет...

<http://www.izbrannoe.com/news/mysli/daniil-granin-poteryannoe-miloserdie/>

Цитаты из книг Даниила Гранина:

- ✚ Человечество не испытывает недостатка в знаниях, оно испытывает недостаток доброты. «Человек не отсюда»
- ✚ Самая большая потеря для человека — несчастное детство. «Человек не отсюда»
- ✚ В этом мире хорошо только подлецам: им не в чем разочаровываться, они живут без иллюзий, они считают всех подлецами и редко ошибаются. «Иду на грозу»
- ✚ Любовь нужна, чтобы делать желанных детей, то есть добротное потомство, — великую живопись, музыку. «Человек не отсюда»
- ✚ Слово «хлеб» обрело, восстановило среди всего этого свой символический смысл — хлеб насущный. Хлеб как образ жизни, хлеб как лучший дар земли, источник сил человека. Блокадница Таисия Васильевна Мещанкина о хлебе говорит, будто молитву новую слагает: «Вы меня послушайте. Вот сейчас, когда я встаю, я беру кусок хлеба и говорю: помяни, господи, всех умерших с голоду, которые не дождались досыта поесть хлеба. А я сказала себе: когда у меня будет хлеб оставаться, я буду самый богатейший человек.» «Блокадная книга»
- ✚ Но стоило человеку получить чуть больше тепла, света, как чувства его с невероятной остротой начинали воспринимать простые радости: солнце, небо, краски. Ничего не было вкуснее лепешек из картофельной шелухи. Никогда так ярко не светила электрическая лампочка. Человек научился ценить самое простое и самое главное. «Блокадная книга»
- ✚ Требуем, чтобы нам доверяли, а мы сами себе не верим. «Иду на грозу»
- ✚ Быть ещё и человеком — значит что-то прощать, признавать чьи-то слабости. «Иду на грозу»
- ✚ Я давно заметил, что людям, умеющим работать, времени хватает. Нет, пожалуй, лучше сказать иначе: времени у них больше, чем у других. «Эта странная жизнь»
- ✚ Приговор общественного мнения был страшнее судебного. Не обжаловать. Не откупиться, не отмахнуться. Общественное мнение судило по неписаным законам порядочности. «Зубр»
- ✚ Стоит ли всерьёз чему-нибудь огорчаться в этой жизни? Все пройдет, пройдет и это. «Иду на грозу»